

ли (если не считать самых экстремальных ситуаций, вроде истории с дочерьми Лота — Быт. 19: 29—38). Если бы идеал Розенберга осуществился, «раса господ» быстро вымерла бы из-за накопления вредных мутаций.

На основе обобщённых представлений автор делает произвольные интерпретации: «Точно так же неосознанно избегали “индийцы” чужих, тёмных, что было видно и на глаз. Кастовый порядок был следствием этой естественной защиты: варна означает касту, но варна означает также и цвет» (Rosenberg 1934: 28). Но это неправда. Ведь вообще не уделяют особого внимания различию между арьями и дасья (потомками коренного населения Индостана). И арьи, и дасья сражаются на обеих сторонах уже в битве при Курукшетре, описанной в *«Махабхарате»* (подробности — Паниккар 1961: 33). О кельтах также известно, что они легко смешивались с другими народами.

Любопытно, что К. Лоренц, в 1938—1944 гг. отдавший нацизму немалую дань, выходящую за пределы обычного политического конформизма (Колчинский 2007: 523), после войны пересмотрел свои взгляды. В книге *«Человек находит друга»* он посвятил целую главу (*«Призыв к тем, кто разводит собак»*) предостережению любителей животных: не пытайтесь поддерживать чистоту их породы! Опыт этолога показал ему, что такие чистые линии быстро деградируют: животные становятся всё глупее, теряют способность выжить без опеки хозяев, а затем выходят из моды — и вымирают. Так исчезла порода мосек, очень глупых и злых. Спасение от этой угрозы К. Лоренц видел в межпородных скрещиваниях. Не разделялся ли он таким необычным способом со своими прежними расистскими иллюзиями?

1.6.4. Солярный миф

Наконец, солярный миф. О нём говорится сравнительно редко, и опять же — как о чём-то всем известном. Его носителям противостоят расы с другими мифами — «теллурическими» и «хтоническими». Оба понятия в таком виде взяты из теории Лео Фробениуса, разделившего на эти две группы африканские культуры. Фробениус едва ли не первым начал их изучать, и в этом его большая заслуга. До этого Чёрная Африка (к югу от Сахары) была как бы вне мировой истории. Ещё в 1950-х годах, составляя свой список 39 цивилизаций, А. Дж. Тойнби не включил в него ни одну африканскую цивилизацию (кроме египетской), специально заметив, что Фробениусу не понравилось бы такое исключение. Однако Лео Фробениус, вообще-то крупнейший антрополог, наделал массу таких ошибок, которые прощательны только первооткрывателю. В частности, он уподоблял культуры организмам до такой степени, что считал возможным говорить об их анатомии, физиологии, патологии и т. п. А основные характеристики культур — даже их «мужской» и «женский» характер, не говоря уже о хтонизме и теллуризме, — он считал неизменными с начала и до конца.

Однако у Фробениуса есть только два этих варианта: теллуризм — культура восхождения и динамики, хтонизм — погружения и покоя, первый рвётся к покорию высот, второй — к самоуглублению. В конце жизни Фробениус считал, что весь Восток в целом — хтонический, Запад — теллурический. Оставим уж в стороне вопрос: если сравнивать *любые* две культуры, одна из них окажется ближе к одному из полюсов, чем другая. Непонятнее другое: при таком определении по-

нятий, если «арийцы» — не теллурические (и тем более не хтонические), тогда какие же они вообще?

Само существование архаического солярного мифа — под вопросом. Его придумали уже поздние гуманисты и просветители, пытавшиеся представить себе «естественную религию», якобы свойственную человеку как таковому. Лишь немногие действительно архаические народы поклонялись солнцу именно как верховному божеству. «Представители солярной мифологии считают это представление очень древним, первобытным. Это неверно. У охотников солнце играет минимальную роль» (Пропп 1986: 267). Римский культ Непобедимого Солнца (*Sol Invictus*) был введён «сверху» лишь в эпоху солдатских императоров (III в. н. э.) и так и остался чисто официальным, не стал массовым. Даже само происхождение «мифа о солярном мифе» — не европейское (тем более не «арийское»), а перуанское. Впервые он появляется в «Королевских комментариях» Инки Гарсиласо де ла Вега (1974, первое издание — 1609 г.), рассказывавшего об истории и культуре государства инков, затем обрастает утопическими чертами в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы и «Истории севарамбов» Дени Вераса (1956; Vairasse 1773), созданной явно под влиянием идей Гарсиласо. Лишь в XIX в. солнцепоклонничество первобытных людей стало восприниматься как что-то само собой разумеющееся (см. подробнее: Мосионж-ник 2003 а).

Однако при этом именно об арийских солярных культах Розенберг говорит очень мало. В основном это — уже приводившееся рассуждение о северной прародине арийцев, да ещё вскользь брошенное замечание:

«Это познание было оставлено в наследство нашему времени. Оно — мифическое переживание, и притом ясно, как белый солнечный свет» (Rosenberg 1934: 146).

Именно этой фразой Ф. Лаку-Лабарт и Ж.-Л. Нанси аргументируют свой пункт 3b. На эту тему в наши дни гораздо больше рассуждают некоторые астрологи. Здесь и Арктида как прародина арийской расы (а Антарктида — семитской), и роль Заратустры — выходца из этой самой Арктиды (в каком же тысячелетии это было?!), и карта этого континента с высокой горой — осью мира — на полюсе и четырьмя континентами вокруг неё, взятая из индийской мистической географии (ср.: Гумилёв, Кузнецов 1969: 99; см. в данной работе, II.5, п. 25), и Аркаим с его бесконечными свастиками... И, конечно, миф «Ура Линды», о котором мы ещё поговорим особо. И всё это уже полтора десятилетия тиражируется в российских СМИ — явно лишь потому, что редакторы и директора телепрограмм понятия не имеют, из какого источника на самом деле взят этот миф.

Ещё одна завуалированная ссылка на солярный миф — фраза:

«И после ретроспективного взгляда от самого дальнего прошлого до недавней современности распространяется перед нашим взглядом следующее многообразное качество северного творчества: арийская Индия одарила мир *метафизикой*, глубины которой недостижимы еще и сегодня; арийская Персия сочинила нам *религиозный* миф, мощью которого мы живём и по сей день; дорическая Эллада грезила о красоте этого мира, до сих пор никогда более не осуществившейся в столь спокойной завершенности; итальянский Рим показывал нам формальное государственное воспитание как пример, как человеческая общность, находящаяся под угрозой, должна формироваться и защищаться» (Rosenberg 1934: 114—115).

Здесь перечислены предтечи «мифа крови» (упомянутого чуть выше), причём указано его иранское происхождение. Интересно, как автор «жил мощью» этого мифа? Не пробовал ли он, например, зороастрийское средство от всех грехов — омовенье коровьей мочой (Видевдат 3:6; 8:36—38, 98, 103)? Не пытался ли поощрять кровнородственные браки (Видевдат 8:13)?

1.7. Фундаментальный аристократизм

1.7.1. Аристократический характер заявленных ценностей

Если соляренный миф — сравнительно случайный довесок в нарисованной картине, то основные ценности автора — честь и долг, чистое происхождение, культ мужских (воинских) доблестей — явно восходят к одному источнику. Это — этос благородного сословия, этос рыцарства и дворянства.

Для автора «демократия» равносильна «смешению рас» (Rosenberg 1934: 57 и др.). Идеал — власть, принадлежащая наследственной элите, ревниво берегущей свою чистоту. Эта элита отличается от управляемых по происхождению и способна удержаться на должной высоте лишь до тех пор, пока сохраняет свою замкнутость и дистанцию по отношению к подвластному населению.

В этом, однако, Розенберг не оригинален. Более чем за двести лет до него граф Анри де Буленвилье подвёл теоретическую базу под родовые амбиции французского дворянства. Его теория известна в медиевистике как теория «цезуры» — разрыва культурной традиции между древностью и средневековьем. По мнению графа, франки — то есть все жители пространства между Рейном и Везером (сикамбры, хамавы, бруктеры и т. д.) изначально отличались воинственностью и были «крайне плодovitы», что вкуче с суровыми природными условиями привело к перенаселению края. Это, а также постоянная угроза от племён, вторгавшихся «из глубин Сарматии», вело к выделению дружин молодёжи, неспособной найти себе место на родине, и искавшей счастья на стороне (Boulainvilliers 1727: 1—3). Этот процесс описан всеми историками германцев со времён Тацита. Но отсюда граф делает вывод: французские дворяне — потомки завоевателей-германцев, а простонародье — покорённых галло-римлян. Стало быть, власть знати основана на праве завоевания — принципе, выше которого даже римское право ничего не сумело поставить. И межсословная борьба во Франции, по Буленвилье, сводится к межнациональной. Когда через сто лет Европа познакомилась с индийской литературой и узнала из «*Маха-бхараты*» о завоевании Индии арьями, это обогатило теорию Буленвилье лишь самим термином «арийцы» да идеей, что его выводы о расе господ относятся не только к Франции, но и ко всем странам мира.

В середине XIX века граф Жозеф-Артюр де Гобино своим сочинением «*Опыт о неравенстве человеческих рас*» (1853—1855) создал расизм как целостную теорию. Однако к теории граф Буленвилье не в меру честолюбивый граф Гобино, ставший за свою жизнь свидетелем трёх революций, двух республиканских режимов и империи «Наполеона Малого», смог добавить лишь своё мрачное отчаяние, парад новых примеров и несомненный литературный дар. Основная ценность для него, как не раз отмечалось, — не расизм, а элитизм, и в случае конфликта между этими принципами Гобино жертвует первым ради второго (Гофман 1977: 138). Арийская